

С. А. Кариков

Путь искателя истины

Рецензия на книгу: *Schilling H. Martin Luther. Rebell in einer Zeit des Umbruchs.* — 3., durchges. Aufl. — München : C. H. Beck, 2014. — 720 S.

преддверии 500-летия начала Реформации в Германии приобретает все большую актуальность такое направление ее исследования, как изучение жизни и деятельности исторических деятелей, которые внесли значительный вклад в становление и развитие реформационного движения. По праву первым среди этих деятелей следует назвать Мартина Лютера. Длительная, многообразная и плодотворная деятельность Лютера, сделавшая его подлинным олицетворением Реформации в глазах современников, привлекала и продолжает привлекать внимание многих поколений историков.

Обращения к биографическому жанру позволили исследователям Реформации создать фундаментальные труды, раскрывающие важнейшие моменты жизни и деятельности Мартина Лютера. Особенно плодотворным в этом отношении стал период после окончания Второй мировой войны. При этом в одних исследованиях преимущественное внимание уделялось теологическим аспектам творчества Лютера (в частности, в работах Х. Борнкамма [1], Х. Майера [2], Б. Лозе [3], К. Фельдмана [4]), в других акцент делался на рассмотрении социальных условий, в которых призывы Лютера переросли в программу Реформации (труды Г. Шебица [5], Г. Брендлера [6], М. Брехта [7–9], Х. Юнгханса [10], Ю. Голубкина [11] и др.).

Существующее многообразие лютеринаны требует от ученых, предпринимающих новые подходы к биографии Мартина Лютера, не ограничиваться поиском неизвестных или переосмыслением малоизученных фактов из жизни реформатора, а стремиться сформулировать проблемы, отражающие парадигмальную специфику современного периода исследования истории Реформации, и наметить пути их решения. Такую попытку предпринимает профессор кафедры европейской истории раннего Нового времени Гумбольдт-Университета (Берлин) Хайнц Шиллинг.

Следует отметить, что труды последних десятилетий позволяют причислить Х. Шиллинга к ученым, активно прокладывающим новые пути исследования прошлого. В частности, его фундаментальные работы «Разлом и кризис. История Германии в 1517–1648 гг.» (1994) [12], «Новое время. От христианской Европы к Европе государств. 1250–1750» (1999) [13] способствовали утверждению в современной историографии парадигмы конфессионализации, выявившей свою плодотворность для изучения ряда религиозных, политических, социальных проблем истории раннего Нового времени. Новая книга автора «Мартин Лютер. Восставший в переходную эпоху» [14] расширяет

@ С. А. Кариков, 2016

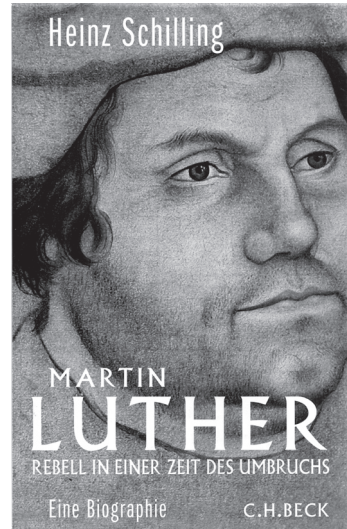
круг исследуемых вопросов обращением к сложным, многообразным отношениям личности и общества, тем самым раскрывая новое измерение конфессионализации.

Уже в названии пролога книги «Лютер как человек эпохи веры и перехода» Х. Шиллинг обозначает важнейшую проблему исследования — раскрытие того, как происходило становление личности реформатора в условиях масштабных изменений общества, переживавшего сложные процессы перехода от Средневековья к Новому времени. Исторические условия «эпохи господства веры» непосредственно повлияли на важнейшие события биографии Лютера. Как отмечает автор, религия была той главной силой, во власти которой Германия и Европа пребывали на протяжении перехода от Средневековья к Новому времени, длившегося более ста лет, — силой, по выражению И. В. Гете, «блестящей, возвышающей сердца и плодотворной», но в то же время — темной, душераздирающей и разрушительной [14, S. 13]. В духовных исканиях Мартина Лютера нашли отражение все эти черты, присущие религиозной жизни переходной исторической эпохи.

Проблемно-хронологический принцип исследования позволяет Х. Шиллингу структурировать изучаемые проблемы, разделив основной материал изложения на три части. В первой из них «Детство, учеба и первые годы в монастыре» автор обращается к важнейшим событиям жизни Мартина Лютера в 1483–1511 годах. Но уже в начальном разделе этой части Х. Шиллинг выходит за рамки сугубо биографического жанра, характеризуя ту историческую ситуацию, которая сложилась в немецком обществе к моменту рождения Лютера. Анализ ее основных составляющих — религии и церкви, политики, экономики, науки, искусства, социальных движений — дает исследователю основания для вывода: все названные исторические условия переходной эпохи важны для понимания как возникновения лютеровских раздумий и самого образа мышления Лютера, так и общественно-политических принципов Реформации [14, S. 55].

В следующих разделах первой части автор освещает детство и юность Мартина Лютера, особо сосредотачиваясь на причинах его ухода в монастырь летом 1505 г. и следствиях этого шага, изменившего всю жизнь будущего реформатора. Х. Шиллинг стремится определить их в контексте духовного кризиса, охватившего молодого Лютера вследствие разочарования в занятиях юриспруденцией и изменения его воззрений, приведшего к поиску духовного совершенствования на монашеской стезе. В начале XVI в., при всей критике нарушений и пороков монастырской жизни, монашество все же продолжало оставаться важным сословием, частью всего христианского мира [14, S. 84].

Автор показывает, как монашеский идеал Лютера, прошедшего путь от послушника до священника в надежде обрести спасение души, столкнулся с осознанием того, что сан священника и церковные предписания не придавали подобных надежд, хотя средневековое католическое вероучение и провозглашало их гарантией спасения. Решение острых экзистенциальных вопросов стало возможным не в силу привыкания Лютера к ритуалам священнослужения, а посредством переосмысления отношений между Богом и человеком, впадении приведших к новому пониманию алтаря и церкви, не существующих вне общины верующих [14, S. 93–94]. Молодой монах еще не был готов сделать столь решительные выводы: они стали достоянием мысли зрелого Лютера.

Вторая часть книги Х. Шиллинга «Виттенберг и начало Реформации» охватывает период 1511–1525 гг. — время, когда Мартин Лютер прошел трудный путь «от защиты веры к Реформации» [11, с. 244]. Эти пятнадцать лет были связаны с началом деятельности Лютера в Виттенберге, важнейшим результатом которой стало выступление с программой Реформации. Но такому результату предшествовал процесс напряженных, сложных, длительных размышлений, связанных с мучительной неудовлетворенностью Лютера теми теологическими доктринами и рецептами достижения святости, которые предлагал средневековый католицизм. «Долгий путь к реформаторской теологии» пролегал и через отказ Лютера от пути отдельных реформ, предлагавшихся некоторыми дальновидными представителями римской курии (в частности, кардиналом Каэтано и епископом Карафой) и впоследствии воплотившихся в решениях Тридентского собора — фундаменте католической конфессионализации [14, S. 155–156].

Именно в Виттенберге, в период работы над лекциями для студентов теологического факультета, Мартин Лютер выработал основы учения об оправдании верой и проповеди милости Божьей. Для историков все еще остается дискуссионным вопрос о том, когда именно виттенбергский монах осознал принципиальные расхождения своего учения с традициями средневековой теологии и законным церковным порядком [14, S. 148]. Х. Шиллинг не стремится дать однозначный ответ на этот вопрос: в силу отсутствия прямых указаний в исторических источниках исследователь обозначает лишь общее направление возможного решения. Оно определяется содержанием комплекса лекций о Псалмах, о Послании к римлянам, о Послании к евреям, написанных Лютером в 1513–1518 гг. и содержащих новое толкование «правосудия Божиего», заключающегося в оправдании верующего, а не в наказании грешника. Именно эта идея становится смысловым центром всей лютеровской теологии.

Может показаться, что Х. Шиллинг уделяет недостаточное внимание такому важнейшему этапу жизни и деятельности Мартина Лютера, как 1517–1521 гг. — ему посвящен лишь один из шести разделов второй части исследования. Однако следует учитывать, что события этого времени — от появления «95 тезисов» до выступления Лютера на Вормсском рейхстаге — традиционно являлись объектом более пристального изучения предыдущих поколений исследователей, чем процессы поздней Реформации. В частности, им давали подробные характеристики названные выше представители зарубежной и отечественной историографии второй половины XX — начала XXI вв.

Тем не менее, невзирая на всю плодотворность работы своих предшественников в изучении творчества Лютера в период ранней Реформации, Х. Шиллинг самостоятельно определяет важнейшие вехи деятельности реформатора и в ряде случаев предлагает оценки ее результатов, несколько расходящиеся с устоявшимися историографическими подходами. В частности, заслуживает внимания замечание исследователя о том, что сам Лютер прямо не связывал свои тезисы против индульгенций с новым теологическим толкованием образа Бога и человека [14, S. 149]. Соответственно, обращаясь к событиям 31 октября 1517 года как утвердившейся в исторической традиции дате оглашения «95 тезисов», Х. Шиллинг подчеркивает, что они могут рассматриваться лишь как «внешний повод», не раскрывающий всю логику развития лютеровской теологии. Ее развертывание наблюдается не только до выступления Лютера против индульгенций, но и позднее, о чем свидетельствуют его проповеди в городской церкви Виттенберга от 28 марта 1518 года и письмо к Иоганну Штаупицу, написанное в мае того же года. Х. Шиллинг подчеркивает значение названных документов, выявивших парадигмальное изменение теологии Лютера [14,

S. 150]. В этом вопросе исследователь солидаризируется с М. Брехтом, отметившим: суть новой теологии заключалась в признании того, что «во Христе, Сыне Божьем, воистину Человеке и воистину Боге, нам безвозмездно дарованы правосудие, мудрость и сила» [9, S. 222]. Декларировавшаяся средневековым католицизмом доктрина «добрых дел» как основы благочестия была отвергнута Лютером ради благочестия, основанного на вере в искупительную жертву Христа и в милость Божию [14, S. 152]. Тем самым учение об оправдании верой приводило к мысли о несостоятельности католической церкви как посредницы между Богом и людьми, к разрыву с ее догматикой, культом и организацией [11, с. 244].

Также Х. Шиллинг подробно рассматривает проблему разграничения Реформации и реформ, сопоставляя позиции Лютера с курсом императора Карла V. Деятельность молодого Габсбурга, по замечанию исследователя, определялась принципом универсальной империи, в которую включены отдельные территориальные правители, как «идеальной репрезентации европейского порядка» [14, S. 217]. Этому принципу соответствовала идея традиционализма в религиозных и церковных вопросах, приверженцем которой выступал Карл V: единство католицизма отвечало его стремлению к единой христианской империи [14, S. 225]. Лютер же изначально, еще не порывая с прежней доктриной и организацией церкви, объективно выступил против средневековой католической традиции. Тем самым был заложен фундамент Реформации как движения, направленного против Рима и обосновывающего конфессиональный характер новых религиозных организаций, связанных с формированием территориальных государств и наций Нового времени.

Рассматривая дальнейшее участие Лютера в бурных событиях 1521–1525 гг., Х. Шиллинг акцентирует внимание на стремлении реформатора достичь максимальной ясности и определенности в изложении вероучения. Но на этом пути начинают происходить все более острые столкновения Лютера с теми из прежних единомышленников, кто разошелся с ним в понимании основных задач Реформации и способов ее осуществления. Андреас Карлштадт, вожди рыцарского восстания, «цвикауские пророки» — все они подверглись жесткой критике реформатора, усматривавшего в их стремлениях лишь «мятеж и бунт» [14, S. 225]. С наибольшей отчетливостью стремление Лютера во что бы то ни стало сохранить единство Реформации выразилось в его выступлениях против учения Томаса Мюнцера в период Крестьянской войны. Они декларировали недвусмысленный отказ реформатора рассматривать свободу христианина в связи с борьбой крестьянства за освобождение от феодального гнета [14, S. 294].

Третья часть работы «Между убежденностью пророка и временными успехами» посвящена событиям 1525–1546 гг. — заключительному периоду жизни Мартина Лютера. Х. Шиллинг убедительно показывает, насколько сложными и противоречивыми были события германской истории этих лет — как в масштабах всей Реформации, так и в контексте деятельности Лютера. Эти сложность и противоречивость были обусловлены, с одной стороны, объективными условиями развития реформационного движения в немецком обществе после завершения Крестьянской войны, а с другой — субъективными интересами различных социальных групп, порождавшими многочисленные противоречия между ними. Как и прежде, Мартин Лютер оставался не сторонним наблюдателем, а активным участником этих событий.

Идейную сущность поздней Реформации, как отмечает Х. Шиллинг, составляло евангельское обновление церкви и общества [14, S. 353]. Призывами к обновлению, опирающемуся на принципы раннего христианства, были ознаменованы и предшествующие события реформационной эпохи — от выступления Мартина Лютера

с «95 тезисами» до Крестьянской войны. Однако после 1525 г. в этих событиях происходит поворот, которому следует и Лютер — «от всеобщей реформы к частной Реформации», от универсализма к партикуляризму. По мнению Х. Шиллинга, этот поворот определялся исходом борьбы между сторонниками двух несовместимых моделей евангелического обновления церкви и общества: в германском обществе утвердилась «реалистическая» модель, разделявшая светское и божественное царства, в то время как модель единства небесной и земной власти, пропагандировавшаяся Томасом Мюнцером, «была дискредитирована» [14, S. 354]. На наш взгляд, автору следовало подробнее рассмотреть вопрос о том, чем именно была обусловлена эта дискредитация — несостоятельностью идейных основ мюнцеровского учения или поражением восставших крестьян, следствием чего стало распространение в обществе идеологии, выражавшей интересы победившей группировки.

Завершение Крестьянской войны привело к серьезному усилению княжеского лагеря. Поддержка последнего со стороны Лютера, по замечанию Х. Шиллинга, была доказательством «политического чутья и реалистичности взглядов» реформатора: союз между Реформацией и территориальной властью способствовал консолидации евангелических сил [14, S. 354–355]. Тем самым были заложены основы масштабной лютеранской конфессионализации, оказавшей влияние на все стороны жизни германского общества.

Мартин Лютер, как отмечает Х. Шиллинг, редко придерживался формальных путей. Однако при этом реформатор неуклонно следовал главной цели — христианизации общества посредством контроля и дисциплинирования [14, S. 361]. Эта тенденция отчетливо просматривается и в проведении визитаций евангелических приходов, в которых Лютер принял непосредственное участие [14, S. 426–432], и в реформировании школьной организации и семейных отношений [14, S. 433–438], и в написании Малого и Большого Катехизисов [14, S. 438–440]. Церковная организация курфюршества Саксонского, во многом созданная трудами Лютера, может считаться образцом для целого ряда евангелических церквей в других регионах [14, S. 442]. Тем самым действия Лютера способствовали формированию основ конфессиональной церкви и культуры германского общества Нового времени.

Вместе с тем в заключительный период своей жизни Лютер постоянно сталкивался и с «мирскими вызовами» [14, S. 445], поиск ответов на которые выводил реформатора и его соратников за пределы религиозных дискуссий и церковных проблем. Х. Шиллинг выделяет несколько таких ключевых вызовов периода 30–40-х гг. XVI в.: споры, развернувшиеся в немецком обществе в связи с оглашением Аугсбургского исповедания [14, S. 449–472], вопрос о праве территориальных властей на создание политических объединений и на сопротивление императору, связанный с созданием и деятельностью Шмалькальденского союза [14, S. 473–495]; дилемма, возникшая в связи с попыткой Филиппа Гессенского вторично жениться, не расторгая предыдущего брака [14, S. 496–506]; различные социально-экономические и повседневные вопросы — ростовщичество, спекуляция, отношения между различными сословиями [14, S. 506–523].

Стремление разрешить многочисленные проблемы, продолжавшие волновать Лютера на склоне лет, все чаще уступало место пессимизму реформатора. Такое мироощущение было обусловлено остротой многочисленных противоречий и конфликтов, возникавших в ходе лютеранской конфессионализации. Тем не менее, Х. Шиллинг далек от изображения последних лет жизни Лютера как периода полного разочарования в идеалах. Исследователь отмечает, что труды реформатора этой поры отражали не только «апокалиптические страхи» Лютера (в частности, перед серьезной

угрозой вторжения турецких войск) [14, S. 544–550], но и его видение «угодных Богу радостей жизни» — живописи, поэзии, музыки [14, S. 526–543]. Тем самым автор достигает рельефности, выразительности изображения сложности, глубины и богатства духовного мира своего героя.

Х. Шиллинг не останавливает свое повествование на моменте ухода Лютера из жизни в феврале 1546 года. В эпилоге «Лютер и Новое время — диалектика неудачи и успеха» автор сосредотачивает внимание как на важнейших итогах деятельности Мартина Лютера, так и на их общем значении для дальнейшего развития германского и европейского общества. В ходе Реформации важнейшие изменения происходили в различных сферах общественной жизни — религиозной, политической, социальной. Результирующую силу этих изменений Х. Шиллинг определяет как «конец универсализма». В рамках Священной Римской империи универсалистские претензии Габсбургов были преодолены с помощью военного противодействия со стороны обособлявшихся государств и наций. Тем самым территориальные правители и их подданные отвергли признание императора в качестве помазанника Божьего [14, S. 615].

Заслугой автора является и выяснение вопроса о воздействии виттенбергской Реформации как на развитие лютеранства в Скандинавии, так и на последующее развитие других направлений протестантизма в Европе (реформатство, англиканство), а также на реформирование католицизма. Создание новых церковных организаций стало важнейшей характеристикой конфессионализации, оказав влияние на сферы управления церквями и обеспечения священнослужителей, дисциплинарного контроля над клиром, обучения и воспитания, социальной помощи. Итогом размышлений Х. Шиллинга становится высокая оценка религиозного учения Лютера, проложившего путь к новому миру как к пространству деятельности и активности, содействовавших впоследствии уже светскому преобразованию Европы раннего Нового времени [14, S. 636].

Концептуальные подходы Х. Шиллинга к жизни и деятельности Мартина Лютера представляются весьма плодотворными в перспективе дальнейших исследований истории позднего Средневековья и раннего Нового времени. В частности, они позволяют раскрыть широкий спектр вопросов, связанных с закономерностями лютеранской конфессионализации и ее спецификой, с особенностями взаимоотношений церковной организации и политических институтов в различных государствах и регионах, с ролью личности в процессах масштабных исторических трансформаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bornkamm H.* Martin Luther in der Mitte seines Lebens: das Jahrzehnt zwischen dem Wormser und dem Augsburger Reichstag. — Göttingen, 1979.
2. *Mayer H.* Martin Luther: Leben und Glaube. — Gütersloh, 1982.
3. *Lohse B.* Luthers Theologie in ihrer historischen Entwicklung und in ihren systematischen Zusammenhang. — Göttingen, 1995.
4. *Feldmann C.* Martin Luther. — Reinbek, 2009.
5. *Zschäbitz G.* Martin Luther. Größe und Grenze. — Т. 1. 1483–1526. — Berlin, 1967.
6. *Брендлер Г.* Мартин Лютер: Теология и революция / пер. с нем. М. И. Левиной. — М.; СПб., 2000.
7. *Brecht M.* Martin Luther. Die Erhaltung der Kirche. 1532–1546. — Berlin, 1990.
8. *Brecht M.* Martin Luther. Ordnung und Abgrenzung der Reformation. 1521–1532. — Berlin, 1989.

9. *Brecht M.* Martin Luther. Sein Weg zur Reformation. 1483–1521. — Berlin, 1986.
10. *Junghans H.* Martin Luther und Wittenberg. — München; Berlin, 1996.
11. *Голубкин Ю. А.* Из любви к истине // Лютер М. Время молчания прошло. — 2-е изд. — Х., 1994.
12. *Schilling H.* Aufbruch und Krise. Deutschland 1517–1648. — Berlin, 1994.
13. *Schilling H.* Die neue Zeit. Vom Christenheitseuropa zum Europa der Staaten. 1250 bis 1750. — Berlin, 1999.
14. *Schilling H.* Martin Luther. Rebell in einer Zeit des Umbruchs. — 3., durchges. Aufl. — München, 2014.

